

Дмитрий Быков

«Великие

пары»

ИСТОРИИ
ЛЮБВИ-НЕЛЮБВИ
В ЛИТЕРАТУРЕ

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНЫ АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1.09
ББК 84(2Рос=Рус)
Б95

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

В основу книги легли стенограммы выступлений постоянного лектора “Прямой речи” Дмитрия Быкова, а также его статьи, написанные для журнала *Story*

Издание осуществлено в партнерстве с Лекторием “Прямая речь”.
Автор и “Редакция Елены Шубиной” выражают благодарность Лекторию за предоставленные материалы

Быков, Дмитрий Львович.

Б95 Великие пары : Истории любви-нелюбви в литературе / Дмитрий Быков. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2023. — 521, [7] с. — (Прямая речь).

ISBN 978-5-17-154165-1

В Лектории “Прямая речь” каждый день выступают выдающиеся ученые, писатели, актеры и популяризаторы науки. Вот уже много лет визитная карточка “Прямой речи” — лекции Дмитрия Быкова по литературе. Теперь они есть и в формате книги.

Великие пары — Блок и Любовь Менделеева, Ахматова и Гумилев, Цветаева и Эфрон, Бунин и Вера Муромцева, Алексей Толстой и Наталья Крандиевская, Андрей Белый и Ася Тургенева, Нина Берберова и Ходасевич, Бонни и Клайд, Элем Климов и Лариса Шепитько, Бернард Шоу и Патрик Кэмпбелл...

“В этой книге собраны истории пар, ставших символом творческого сотрудничества, взаимного мучительства или духовной близости. Не все они имели отношение к искусству, но все стали героями выдающихся произведений. Каждая вписала уникальную главу во всемирную грамматику любви, которую человечество продолжает дополнять и перечитывать”.
(Дмитрий Быков)

УДК 821.161.1.09
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-154165-1

© Быков Д.Л.
© Лекторий “Прямая речь”
© Бондаренко А.Л., художественное оформление
© ООО “Издательство АСТ”

Содержание

Невыносимая чрезмерность

Лев Толстой и Софья Андреевна 9

На краю чужого гнезда

Тургенев и Полина Виардо 30

Камень мыслящий

Ленин и Надежда Крупская 45

Любовь и все остальные

Блок и Любовь Менделеева 62

Аня и Коля: миф

Ахматова и Гумилев 79

“Жизнь — это место, где жить нельзя”

Цветаева и Эфрон 103

Легкость и отчаяние

Мандельштам и Надежда Хазина 130

<i>Второе рождение</i>	
Пастернак и Зинаида Нейгауз	149
<i>Общая идея</i>	
Мережковский и Зинаида Гиппиус	176
<i>Квадрат Бунина</i>	
Иван Алексеевич и Вера Муромцева	210
<i>Сказочник и разбойница</i>	
Шварц и Катерина Ивановна	227
<i>Возвращение из Египта</i>	
Заболоцкие	245
<i>“Мое смиление лукаво...”</i>	
Алексей Толстой и Наталья Крандиевская	269
<i>Девушка по кличке Феномен</i>	
Горький и Мария Андреева	290
<i>Дикая путаница</i>	
Андрей Белый и Ася Тургенева	320
<i>Кентаврова кровь</i>	
Нина Берберова и Ходасевич	346

<i>Самая громкая история</i>	
Брюсов и Нина Петровская	369
<i>Поздняя любовь</i>	
Каплер и Юлия Друнина	390
<i>Бог смотрит в другую сторону</i>	
Николай Эрдман и Лина Степанова	417
<i>Прирожденные убийцы</i>	
Бонни и Клайд	438
<i>На красный огонь</i>	
Элем Климов и Лариса Шепитько	459
<i>В этом и драма...</i>	
Симонов и Валентина Серова	482
<i>Старик и звезда</i>	
Бернард Шоу и Патрик Кэмпбелл	502

Невыносимая чрезмерность

Лев Толстой и Софья Андреевна

Предпочитаю сразу заявить: речь пойдет не об отношениях конкретного Льва Николаевича и конкретной Софьи Андреевны. Речь пойдет об отношениях художника и жизни. А отношения эти всегда складываются по одной и той же, к сожалению, практически неразрешимой схеме: сначала художник жизнь очень любит, потом он с нейссорится, а потом ее теряет, поскольку для художника это так же неизбежно, как для всякого смертного.

Подозреваю смутно, что Толстой ненавидел Шекспира не только потому, что ревновал к нему. Шекспир прошел в своем развитии тот же самый путь, что и Толстой, и Толстому это было обидно. Начинал Шекспир с весьма жизнерадостных комедий. И черных комедий. Потом пришел к периоду горчайшего разлада с действительностью (примерно от “Гамлета” до “Тимона Афинского”), а закончил постепенным исходом, иссяканием, изыманием себя из жизни, которое в “Перикле”, “Цимбелине”, в “Буре” достигло полного развития. Это уже “за жизнь”.

23 сентября 1862 года тридцатичетырехлетний Толстой и восемнадцатилетняя Соня Берс вступили в один из самых успешных браков в истории русской литературы. Продолжался он сорок шесть лет, был, конечно, не так успешен, как в случае Достоевского и Анны Григорьевны Сниткиной, но Анна Григорьевна, по общему мнению, лучшая жена в русской литературе (она же редактор, она же стенограф).

Эта вторая по качеству “кровать”, выражаясь словами того же Шекспира, второй по удачности брак заключен был в стремительные сроки.

В августе 1862 года Берсы по дороге к деду (тот жил в имении жены в селе Ивицы Одоевского уезда Тульской губернии) остановились у Толстых. Они давно были знакомы, но Толстой впервые — и совершенно неожиданно для себя — замечает, что Соня, которую он знал подростком, превратилась в юную девушку, во всем отвечавшую его писательским представлениям об идеале.

Нужно сразу развеять легенду о том, что писатель способен был оценить в девочке простоту, непосредственность, раз он все время повторял: “Вы такая ясная, такая простая”. Но Соня-то как раз отличалась непростотой. В семье ее прозвали Фуфель: “Фуфель в своем плане, Фуфель в своем настроении”. Это говорили, когда Фуфель принималась кого-нибудь жалеть. Она отличалась невероятной сентиментальностью и рыдала над страницами толстовского “Детства”, где старая нянька, поссорившись с Николенькой, просит у него прощения и приносит ему две карамельки и винную ягоду.

Льва Николаевича прельстило, что оба они были сентиментальны, что она читала его сочинения. И после того как он несколько раз с нею поговорил, он начинает Бер-

сам делать визиты в Москве. Берсы уверены, что он приступает к старшей, к Лизе. Предположить, что Соня, крайне наивная и не очень красивая, просто очень живая, стала предметом интереса писателя, уже довольно хорошо известного, никто из Берсов не может. Но тут Толстой в середине сентября делает предложение, причем предложение в довольно необычной форме. Знаменитый эпизод из “Анны Карениной” с писанием мелком был совершен но в других обстоятельствах. Здесь он поступил проще. Он написал Соне письмо, в котором было сказано: “Скажите, как честный человек, хотите ли вы быть моей женой? Только ежели от всей души, смело вы можете сказать: да, а то лучше скажите: нет, ежели в вас есть тень сомнения в себе. Ради Бога, спросите себя хорошо. Мне страшно будет услышать: нет, но я его предвижу и найду в себе силы снести. Но ежели никогда мужем я не буду любимым так, как я люблю, это будет ужасно!” — и, пока ожидал ответа, не отвечал на любые обращения к нему, ходил по комнате, сжимая и разжимая кулаки, был нервен до судорог. А она спустилась к нему, посмотрела на него ясными сияющими глазами и сказала: “Разумеется, да”.

В жизни Толстого наступает период, который длился лет десять — двенадцать, период абсолютно безоблачного счастья. Какая-то действительно очень важная, недостающая точка в его жизни была поставлена. И начался самый плодотворный, самый счастливый, восторженный период, период гармонии и единения с жизнью; наиболее полной и лаконичной формулой толстовского мировоззрения в это время была бы фраза Оленина из “Казаков”: “Одно есть счаствие: кто счастлив, тот и прав”.

Софья Андреевна перед браком со Львом Николаевичем, по его настоянию, — совершенно руссоистская

в нем черта, он всегда заставляет окружающих, как Руссо, читать свои дневники, выслушивать свои исповеди, выворачивает себя наизнанку и такой же откровенности требует от остальных, — прочла его дневники. И вот здесь Софья Андреевна проявила потрясающий женский такт, потрясающую женскую чуткость. Толстой к тому времени уже двадцать лет как знал женщин, с четырнадцати лет, когда его впервые старшие братья привели в бордель и первая его реакция была потом — разрыдаться от стыда. Софья Андреевна прочитала не всё, но пришла к по-разительному выводу, который отражен в ее автобиографическом сочинении “Моя жизнь”: она поняла, что он еще не жил, что ему интересны были в жизни две вещи — писанье и охота. Вот это восемнадцатилетняя Соня заметила сразу. Дать ему жизнь, которой он до сих пор не знал, — такова была ее задача.

Первые десять лет были абсолютно идеальные. Позднее в повести “Чья вина?” Софья Андреевна, пожалуй, жестоко писала о том, как тяжел был для нее физиологический контакт с мужем, как удивительны были его грубость и настойчивость. Но в жизни эти грубость и настойчивость ее весьма радовали. Она, сколько можно судить по ее воспоминаниям о 1862–1863-х годах, наслаждалась и его заботой, и его подчас доходившим до патологии вниманием, и материнством. Больше всего ей в то время отравлял жизнь токсикоз. Она ужасно страдала от его табаку — Толстой никак не мог отказаться от курения даже ради любимой жены. Особенно же становилось накурено, когда съезжались к нему учителя: он в это время занимается сельскими школами и заставляет ее присутствовать перед коллегией учительского журнала “Ясная Поляна”. И когда шестеро сельских учителей

наезжают и начинают курить, у нее делаются рвотные спазмы.

Софья Андреевна постоянно пишет, что на ней было все хозяйство, и это, наверное, так. Однако хозяйство она вела плохо. Но и Толстой, когда брался за очередные свои хозяйствственные нововведения, и Софья Андреевна для хозяйства были абсолютно не рождены.

Так, в 1863 году он безумно увлекся пчелами. Об этом вспоминает Софья Андреевна: “Купил несколько ульев у моего деда Исленьева, читал книги, делал рамочные ульи и имел такой вид, что для него теперь центр всего мира составляет пчельник и потому все должны исключительно интересоваться пчелами. Я старалась проникнуться всей значительностью пчелиной жизни, но трудно этого достигала. <...> Занятия пчелами отвлекали Льва Николаевича от дома и от меня, и я часто скучала и даже плакала в одиночестве. Пойду на пчельник, иногда сама снесу Льву Николаевичу обед, посижу там, иногда пчела меня ужалит, и иду одинокая домой”.

Из пчел ничего не вышло, как ничего не вышло из всех планов сельскохозяйственных переустройств, подробно описанных в “Анне Карениной”. Всё, как правило, было и недальновидно, и неумно, потому что на самом деле его интересовали только писание и — в первое время — жена. Ее же интересовали только дети, только собственная семейная жизнь.

Захотелось Толстому как-то показать ей маслобойню. Он потащил ее туда на третьем месяце. Там так пахло навозом, что ее начало рвать немедленно. На этом попытки приобщения ее к хозяйству закончились. Дальше на ней лежали только расчеты. Вот с этим она справилась сразу. В силу своей невероятной контактности, в силу колос-

сального личного обаяния она немедленно поладила со всей старой прислугой. С поваром, который был еще крепостным у Толстых, который готовил, как она пишет, “недурно, даже многое очень вкусно, как только старинные повара умели готовить, но был чрезвычайно грязен” и который завещал “своему сыну Семке служить графу и графине. С этой целью он отдавал его в ученье в Тульский клуб, и этот Семка и сейчас у нас поваром, но уже не за 6 рублей, как его отец, а за 25 рублей”.

Толстой вспоминал часто, и это попало в ее автобиографию, один эпизод. Рожала крестьянка, и началось у нее сильное кровотечение. Послали за молодой графиней, потому что считалось, что у нее легкая рука. Софья Андреевна не была уверена в своих силах и послала в Тулу за акушеркой. Ничего не помогало, и после двух часов профессиональная акушерка в ужасе крикнула: “Смертные ключи открылись, она умрет”. “Продолжайте”, — прикрикнула на нее Софья Андреевна. Крестьянка, как она пишет, прожила потом еще долгую несчастную жизнь, потому что каждый день колотил ее пьяный муж.

Вот это — спасла человека на долгую несчастную жизнь — очень характерно для Софьи Андреевны. Таня Кузьминская, Таня Берс, ее сестра, записывала: “Соня никогда не отдавалась полному веселью или счастью, чем баловали ее юная жизнь и первые годы замужества. Она как будто не доверяла счастью, не умела его взять и всецело пользоваться им. Ей всё казалось, что сейчас что-нибудь помешает ему или что-нибудь другое должно прийти, чтобы счастье было полное.

Эта черта ее характера осталась у нее на всю жизнь. Она сама сознавала в себе эту черту и писала мне в одном из своих писем: «И видна ты с этим удивительным, за-

видным даром находить веселье во всем и во всех; не то что я, которая, напротив, в веселье и счастье умеет найти грустное»".

Первые роды самой Софьи Андреевны, которой вот-вот должно было исполниться девятнадцать, случились раньше срока после внезапного падения с лестницы. Мучилась она двое суток. И Толстой, который очень точно описал свои ощущения в сцене первых родов Кити, вспоминал, что она его руки хватала и ломала, но он не чувствовал боли, потому что весь был поглощен состраданием. А как только она родила — это случилось на вторую ночь, — он приказал немедленно перебудить всю дворню и принести шампанское, до которого совершенно никому не было в тот момент ни дела, ни настроения. Но глядя на ребенка, вид имел разочарованный, вообще не понимал, что это перед ним лежит.

Потом-то Толстой более или менее начал ладить с детьми, но по-настоящему любил только дочерей. Есть запись у него в дневнике: в 1885 году, когда он в первый раз собирался уйти, уже собрал котомку, но тут вспомнил, что жена собирается родить, и с полдороги до Тулы вернулся. Вернулся — и поразился: "Дома играют в винт бородатые мужики — молодые мои два сына".

И тем не менее жизнь эта была пронизана счастьем, прежде всего потому, что у супругов были общие интересы. Это была действительно огромная степень внутренней близости, подкрепляемой тем, что Софья Андреевна непрерывно восхищалась мужем. Это тоже очень существенный мотор отношений. Лев Николаевич всегда придавал исключительное значение своей жизни и своей личности, расценивая их как бы несколько отдельно от себя. Он настолько серьезно, настолько сакрально

относился к писанию, что это постепенно передавалось и домашним. Домашние понимали, что это дело жизни не только его, не только их, что, может быть, ради этого вообще существуют вся Ясная Поляна и, чем черт не шутит, вся Россия.

Софья Андреевна отмечает подробно, как для писания он заботится о строгом соблюдении определенных часов сна. Нужно спать восемь часов, чтобы хорошо писать. Ради писания он занимается гимнастикой, поднимает гири, обливается ледяной водой — всё только для того, чтобы быть в форме. Когда Толстому пишется, весь дом ликует; когда не пишется, весь дом ходит мрачнее тучи.

И вот первые десять — двенадцать лет этого брака, ну, может быть, даже первые пятнадцать, вплоть до окончания “Анны Карениной”, — это время счастливое и безоблачное, невзирая на дикие сцены ревности, которые устраивает без всякого повода она. Иногда их устраивает он. Ну и омрачается это периодическими всплесками нездоровья вроде расстройства желудка или простуды, которые Толстой всегда переносит с обычной своей физиологической чуткостью невероятно остро. Когда-то Тургенев же сказал ему: “...Вы когда-нибудь были лошадью”, — потому что, рассказывая ему сюжет “Холстомера”, “глядя из лошади”, Толстой с физиологической, лошадиной чуткостью передавал запахи, звуки, ощущение возбуждения от выпаса рядом с молоденькой кобылкой.

А вот дальше наступает период, о котором можно говорить по-разному. Период, который характеризуется прежде всего так называемой духовной революцией Толстого и который оставил в русской литературе текст, лучший по художественной силе своей. Это знаменитый недописанный текст, маленькая повесть, которая называ-

лась “Записки сумасшедшего”. Это история о том, как Толстой пережил арзамасский ужас (впоследствии Набоков использовал этот эпизод для своего рассказа “*Ultima Thule*”).

Что же произошло?

Толстой едет покупать имение в Пензенской губернии, в Арзамасе останавливается в гостинице, слуга с пятном на щеке отводит его в чисто выбеленную квадратную комнатку с единственным окном, занавешенным красной гардинкой, — и ночью его вдруг охватывает панический страх, такая тоска, такое отвращение и к спящему слуге, и ко всему этому спящему миру, и ко всему этому, как он пишет, ужасу красному, белому, квадратному. Вот этот страшный квадрат в его определенных формах — это, как он понимает, сознание смертности. Ее не должно быть, а она есть. “Что с тобой и с детьми? Не случилось ли чего? — уже из Саранска пишет он жене, спешно покинув Арзамас. — Я второй день мучаюсь беспокойством. Третьего дня я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то необыкновенное... На меня вдруг нашли тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал...”

Это довольно часто повторяющиеся у Толстого кошмары, это его вечная мысль, мысль, очень им лелеемая, мысль о том, что смерть постоянно рядом, но ее не может и не должно быть. А ведь на следующий день после первой брачной ночи он записывает: “Неимоверное счастье. <...> Не может быть, чтоб это все кончилось только жизнью”. Это должно простираться куда-то за жизнь.

Мысль, что смерти нет, что она с жизнью несовместима, — одна из самых глубоких интуиций Толстого. Есть сознание, творчество, мысль о Боге, пишет он, любовь или